

УДК 811.161.1'367

О СОСТАВЕ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ И ОСОБЕННОСТЯХ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

© 2009 Е.В. Рагозина

Российский государственный университет им. Иммануила Канта

Поступила в редакцию 15 сентября

Аннотация: *Анализируются оттенки значения объективной, ситуативной и субъективной модальностей и особенности их реализации в вопросительных конструкциях.*

Ключевые слова: *модальность, вопросительное предложение.*

Abstract: *Meaning of objective, situative and subjective modalities and particularities of their realization are analyzed in questions.*

Key words: *modality, question.*

Языковая модальность, являясь одной из ключевых категорий, устанавливающих связь предложения (высказывания) с внеязыковой действительностью и реализующих его коммуникативный потенциал, характеризуется активным интересом к ней со стороны исследователей и «устойчиво сохраняется как признанный предмет дискуссий» [1, 59]. Причем интерес к данной категории особенно возрос в последние десятилетия, когда в языкознании прочно утвердился функциональный подход и отчетливо проявилось последовательное внимание к человеческому фактору как важному экстралингвистическому компоненту языковых преобразований.

С точки зрения функционального подхода, модальность понимается как широкая семантическая категория, структурно-содержательный объем и функциональная иерархия значений которой определяются смысловой двуаспектностью предложения (высказывания), а именно его номинативным (диктумным) и коммуникативным (модусным) аспектами [см., например: 2; 5; 10]. «В рамках номинативного аспекта, фиксирующего определенные факты, события внеязыковой действительности и ее основные свойства, выделяется пропозициональная мо-

дальность, в рамках прагматического аспекта, «преломляющего» эти факты в сознании говорящего, раскрывающего коммуникативную перспективу высказывания (его цель, степень достоверности и т. п.), выделяется модальность прагматическая» [2, 16].

Ядро пропозициональной модальности составляет объективная модальность, выражающая отношение высказывания к действительности с точки зрения реальности/ирреальности и реализующаяся в предложении посредством двух граммем глагольного наклонения (изъявительного и сослагательного), а периферию образует ситуативная (в иной терминологии, предметная) модальность, которая конкретизирует значения объективной модальности с точки зрения способа действия (его возможности, желательности, необходимости). Объективно-модальное значение, т. е. значение, фиксирующее отношение высказывания к действительности с точки зрения реальности/ирреальности, присутствует в любом предложении [7, 214]. Вторая составляющая смыслового значения предложения – модус (или прагматика, по другим определениям) – представлена субъективной модальностью, выражающей отношение говорящего к сообщаемому, и «присутствует не во всяком высказывании: говорящий может никак не выражать

© Рагозина Е.В., 2009

своего отношения к сообщению. Однако очень часто такое отношение присутствует» [12, 215]. Субъективная модальность накладывается на объективную модальность, в результате чего возникает бесконечное разнообразие основных и второстепенных модальных значений в рамках каждой отдельной репрезентации. Вышеизложенное теоретическое положение находит свое подтверждение не только при анализе модальности повествовательных и побудительных предложений [см. 2; 3; 6; 7; 8], но и применительно к неоднозначно трактуемой модальности вопросительных предложений [см. 7; 11; 14].

Наблюдение над функционированием вопросительных предложений в текстах различной жанровой принадлежности дает нам возможность выделить следующие типы модальных значений вопросительной модальности в рамках первичной функции вопросительного предложения: объективную модальность, объективную модальность с наложением значений ситуативной модальности, субъективную модальность.

При выделении данных типов для нас важное значение имела не только содержательная, но и формальная сторона рассматриваемых предложений, поэтому мы отдельно рассматриваем предложения с вопросительным компонентом и предложения без вопросительного компонента.

В данной статье нас интересуют предложения с вопросительным компонентом. Основу их модальной семантики составляет объективная модальность, реализующаяся в значении реальности высказывания к действительности, т. е. реальности как настоящего, так и будущего события, факта или явления, фиксируемых в рамках предложения (высказывания). В роли вопросительного компонента могут выступать:

- вопросительные местоимения *кто, что, какой, каков, который*, посредством которых выражается вопрос о лице, предмете, качестве предмета, его принадлежности. Местоименный вопрос требует такого ответа, который расширяет знание того, кто спрашивает, и сообщает о том, чего не содержится в вопросе [9, 84]. Вопросы, которые требуют новой информации, как отмечает Ю. О. Дубовский, «мотивированы старанием спросить о новых для конкретной ситуации обстоятельствах. Поскольку новые обстоятельства воображаются тому, кто спрашивает, абсолютно неопределенными, чем-то неизвестным, то вопрос о новой информации всегда материализуется в форме местоименного вопросительного предложения» [4, 24]. Так, вопросительные предложения с предметными компонентами *кто* и *что* содержат вопросы о

лице, которое является грамматическим субъектом в предложении, либо конкретизируют общее значение предметности, например: «*Но кто* является субъектом рефлексии в учебной деятельности? В живом учебном процессе трудно определить, кто является носителем ее рефлексии – субъект не индивидуализирован, рефлексия существует в интерпсихической форме» (2, 2005 г., № 5); «*Кто* сам мыслящий: рожденный или нерожденный? Последнее, конечно, нелепость, и никому не придет в голову, ибо рожденный не может представить себе такое» (3, 2005 г., № 12); «*Кого* убили? – спросила я всех сразу, и все сразу обернулись ко мне» (4, с. 308); «*Что* представляет собой повторяемость эмпирического опыта в психологии? Психологическое познание, для которого научный факт – это не просто эмпирический опыт, а “суггестия” устойчивого, повторяющегося опыта» (2, 2006 г., № 5); «*Что* такое духовная культура? Это плеоназм» (3, 2005 г., № 11); «С чем резонируются такие вибрации?» (2, 2006 г., № 5); «В чем социальная коммуникативная функция внутренней речи? Превращаясь во внутреннюю речь, она как бы теряет свою основную функцию» (2, 2004 г., № 1); «Чем определяется генезис способов учебной работы школьников?» (2, 2004 г., № 2); «На что воздействует предмет?» (2, 2004 г., № 4). Вопросительные предложения с атрибутивным компонентом *какой, каков, который* выражают вопрос о признаке, качестве или свойстве предмета, например: «Какова регуляторная роль эмоции тревоги? Тревога как генерализованное переживание стимулирует деятельность» (2, 2006 г., № 3); «Какие факты родительского воспитания оказывают наибольшее влияние на самоотношение ребенка? Чаще всего бывает, что непонимание детей и родителей приводит к отрицательной общей установке у ребенка» (2, 2006 г., № 3); «Каков механизм согласования ценностных установок? Он такой же, как и при выборе приоритетов отдельной личности» (3, 2005 г., № 11).

- вопросительные наречия *как, почему, где, откуда, когда, куда, зачем*, посредством которых выражается вопрос о способе, средстве, месте действия, его времени, цели, причине. Обстоятельственные компоненты наречного типа, как и вопросительные местоимения, побуждают собеседника к ответу, который бы расширил знание говорящего и сообщил то, чего не содержится в вопросе. Наиболее продуктивную группу среди этого типа предложений представляют вопросительные предложения с компонентами *как* и *где*. Предложения с вопросительным компонентом *как* содержат вопрос, который требует объяснения способа реализации или

осуществления какого-то факта из реальной действительности, например: «Как сообщаются взаимообогащающиеся системы?» (2, 2006 г., № 5); «Как взаимосвязаны отношения нетождества и несходства? Нетождество и несходство неразделимы, в эмпирическом мире нет абсолютно различных нетождественных объектов» (3, 2005 г., № 12); «Как отражается этот факт на становлении основных личностных новообразований дошкольников?» (2, 2004 г., № 1). Вопросительные предложения с компонентом *где* содержат вопрос о месте, либо неназванный компонент имеет общее значение бытия, пребывания и местонахождения, например: «Где его [человеческого сообщества] границы, и как оно связано с другими? Иногда требуется время для ответа» (2, 2004 г., № 5); «Где вещь начинается и заканчивается?» (3, 2005 г., № 10). Для выяснения цели действия используются предложения с компонентами *почему* и *зачем*, например: «Почему путешественник отправился в Москву?» (1, 2006 г., № 6); «Почему Лейбниц отрицает диахроническое тождество неодушевленных предметов? Он отвечает на этот вопрос на материале легенды о корабле Тесея» (3, 2005 г., № 12); «Зачем! – Лена посмотрела на меня как на ненормальную» (4, с. 286); «[Давай его адрес] Зачем! – Она отошла от меня подальше» (4, с. 302); «Зачем изменять государственный герб?» (5, 7 декабря). Пространственные и временные значения представлены немногочисленными вопросительными предложениями с обстоятельственными компонентами *когда*, *куда* и *откуда*, например: «Когда американцы покинут Ирак?» (5, 27 декабря); «Куда звонил и дозволил герой – домой или в небесную канцелярию?» (1, 2006 г., № 6); «Откуда берутся и что представляют собой остальные 90 % результата? Всякий продуктивный акт развития в обучении – выход за пределы данного, трансцендирование наличной ситуации» (2, 2006 г., № 1).

Объективно-модальное значение реальности может обогащаться добавочными значениями ситуативной модальности – значениями возможности, необходимости, желательности.

Наиболее частотно реализуемым среди них является значение возможности. Будучи «объективной тенденцией становления предмета, выражающейся в наличии условий для его возникновения» [13, 87], возможность «выступает в языке как сообщение об этих условиях посредством указаний на соответствующие отношения между предметом (субъектом) и его действием, содержащихся в предложении» [2, 29]. Вопрос о возможности реализуется с помощью различных средств, в числе которых находятся лексические модификаторы и

невербальные средства (различные типы контекста). Наиболее регулярными лексическими экспликаторами являются модальные глаголы, доминирующее положение среди которых занимает глагол *может*, а также предикатив *можно*, например: «Как долго *может* вращаться этот порочный круг? До того момента, пока критический дискурс самого общества не поставит предел этому нетворческому и опасному движению» (2, 2006 г., № 5); «В чем *могут* различаться исходные позиции развивающихся детей, которым предстоит стать носителями производственной и индуцированной на них деятельности? С точки зрения дефектологии, по крайней мере некоторые дети имеют заведомо проигрышную по сравнению с другими детьми позицию» (2, 2006 г., № 1); «Что *можно* понимать под внутренними условиями действия внешней, культурной детерминации развития психики человека? Материальная, практическая деятельность первична, теоретическая умственная деятельность, выражающаяся только во внутреннем плане, лишь затем выделяется из нее» (2, 2006 г., № 1). Из невербальных средств следует отметить конструкции с независимым инфинитивом, широта и емкость модальной семантики которых заложена в самой их структуре, например: «Как *достичь* цели задания?» (2, 2005 г., № 3); «Как *выразить* их различие, не теряя общность?» (2, 2004 г., № 1); «Но как *отличить* опыт от того, что только выглядит как опыт?» (3, 2005 г., № 6).

Категория необходимости, «отражая “существенную, закономерную связь явлений, которая вытекает из самой природы вещей” (БАС), и раскрывая сложность и многообразие этой связи, обуславливает широту и емкость соответствующего модального значения» [2, 55]. Главная особенность данного модального значения – «высокая степень объективированности в силу соответствующей объективации отношений субъекта (преимущественно косвенного) и действия (состояния)» 2, 68] – находит отчетливое выражение в специфике функционирования его экспликаторов, основную часть которых составляют лексические модификаторы. Доминантное положение среди них занимает краткое прилагательное *должен*, а также модальные предикативы *нужно*, *надо*, например: «Какие новообразования в мышлении школьников и в какой последовательности *должны* сформироваться на последних степенях образования? Ответ на этот и другие вопросы предстоит дать в ходе развития теории мышления» (2, 2005 г., № 5); «Как *должно* быть организовано позиционное действие, чтобы способ стал для ребенка особой реальностью,

удерживался как специальный предмет работы? Необходимо создать условия, при которых ребенок будет соотносить свои действия с действиями другого человека» (2, 2004 г., № 1); «Чего *нужно* добиваться в жизни?» (3, 2005 г., № 10); «Что иное *надо* понимать под спасением?» (3, 2005 г., № 9). Из невербальных способов выражения рассматриваемого модального значения следует отметить конструкции с независимым инфинитивом, например: «Как *решать* проблему на общественно-национальном уровне?» (2, 2006 г., № 3); «А как *быть* с практической направленностью?» (2, 2005 г., № 2); «Что же *делать!* Я взяла с полки черную стеганую сумку скорее для конспирации» (4, с. 284); «Зачем *изменять* государственный герб?» (5, 7 декабря).

Относительно субъективной модальности в вопросительных предложениях следует сделать одно весьма важное, на наш взгляд, замечание. В данных предложениях изначально заложена субъективность: «...стремление говорящего узнать... или удостовериться...» [12, 386] вынесено в качестве определения вопросительного предложения. Поэтому имплицитно субъективная модальность содержится в каждой вопросительной конструкции. Нас же в данном случае интересуют эксплицитные средства выражения субъективной модальности.

Субъективная модальность всегда присутствует в группе предложений с вопросительными частицами, придавая содержанию вопросительного предложения оттенок сомнения и личной заинтересованности. Частица как служебная часть речи не вносит в предложение никакого лексического значения, «с ее появлением связано возникновение особого модального значения всей конструкции» [15, 19]. Наиболее частотными являются репрезентации с частицами *же* и *ли*, например: «Где *же* я его видела? Наверное, тоже на какой-нибудь вечеринке» (4, с. 294); «Способно *ли* человечество познать смысл такого своего предназначения?» (3, 2005 г., № 10); «Характерен *ли* он для сложившейся цивилизации?» (3, 2005 г., № 6). Особо яркую выразительность вопросительные предложения приобретают при включении в свою структуру различных лексико-грамматических средств и средств художественной выразительности. Так, в частности, использование личных местоимений подчеркивает заинтересованность как адресата, так и адресанта в акте коммуникации, например: «Что бы *вы* могли предложить для борьбы с опозданиями в школе?» (2, 2006 г., № 2); «Почему *мы* предпочли этот термин привычному “развитию личности”? Понятие “личностный рост” прямо указывает на спе-

цифический вектор становления» (2, 2005 г., № 5); «Как убедиться, что *мы* видим одно и то же, если *нас* двое? Сознание того, что я вижу, видишь одновременно и ты, что мы видим и думаем одно и то же» (2, 2004 г., № 1).

Особо следует отметить широкий спектр семантических оттенков субъективной модальности при использовании средств художественной выразительности:

- *метафоризации*, например: «Каков фасон *словесный одеяний* мысли или ее *поэтический костюм!*» (2, 2006 г., № 5); «Как созданная человечеством *паутина* объективных *смыслов* трансформируется и наполняет *смысловую кровеносную систему* духовного организма отдельного индивида?» (2, 2006 г., № 5);

- *олицетворений*, например: «Каковы *плоть, лицо и тело* смысла в психологии?» (2, 2006 г., № 5); «*Море* все *стерпит?*» (5, 5 апреля);

- *приема контраста*, чаще всего придающего вопросительным предложениям оттенок иронии, например: «Что во всем этом *обнадеживает*, а что *обескураживает?*» (2, 2005 г., № 6); «Почему детям так *плохо*, если психологам все так *хорошо?* У детей не только психологические проблемы, и им нужна не только психологическая помощь» (2, 2005 г., № 1). Репрезентации этой группы занимают доминантную позицию по частотности употребления.

Таким образом, проведенный анализ дает возможность выявить комплекс модальных значений, реализуемых в рассматриваемых вопросительных предложениях посредством обширного набора лексических и грамматических экспликаторов, что в свою очередь позволяет с определенной долей уверенности говорить о так называемой вопросительной модальности как об отдельном фрагменте функционально-семантической категории модальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко. — Л.: Наука, 1990.
2. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.) / С.С. Ваулина. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
3. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Труды Ин-та русского языка. — Т. 2. — М., 1950. — С. 38–89.
4. Дубовский Ю.О. О двух коммуникативных типах предложений вопросительной мысли / Ю.О. Дубовский // Иностранная филология. Вып. 10. — Львов: Изд-во Львовск. ун-та, 1966. — С. 21–26.

5. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Зеленщиков А.В. – СПб., 1997.
6. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке / Г.А. Золотова // Филологические науки. – 1962. – № 4.
7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973.
8. Лекант П.А. К вопросу о модальных разновидностях предложения / П.А. Лекант // Современный русский язык: Лингвистич. сб. Моск. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. – М., 1976. – Вып. 6.
9. Панфилов В.М. О местоименном вопросе / В.М. Панфилов // Учен. зап. Красноярск. пед. ин-та. – Т. 25. – Вып. 1. – Красноярск, 1963. – С. 83-89.
10. Паулюская Н.Ю. Категорія модальності у сучасній беларускій мові / Н.Ю. Паулюская. – Мінск, 2001.
11. Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса / И.П. Распопов. – Р.- н/Д.: Изд-во Ростовск. ун-та, 1981.
12. Русская грамматика: В 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 2.
13. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
14. Шатуновский И.Б. Основные типы полных (общих) вопросов в русском языке / И.Б. Шатуновский // Русский язык: пересекая границы. – Дубна, 2001.
15. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н.Ю. Шведова. – М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Рагозина Е.В.
Балтийская государственная академия.
Доцент кафедры английского языка.

Ragosina E.V.
Baltic State Academy.
Docent of the Department of English Language